

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2020-1-40-53

**СУДЬБА «НЕЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА» И ЯЗЫКОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ
В РЕГИОНАЛИСТСКОЙ ПОВЕСТКЕ:
ВОЕВОДИНА И ИСТРИЯ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

Надежда Борисова

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН

Аннотация

Концептуальное осмысление феномена субнационального регионализма по большей части связано с теоретическим поиском и академическими дискуссиями относительно западноевропейских стран, с одной стороны, а с другой, с обсуждением связи субнационального регионализма и этничности как его системообразующего элемента. Речь идет, как правило, об этническом по своей природе субнациональном регионализме. Но какие основания позволяют различать субнациональный регионализм в этнически гетерогенных сообществах, и что обуславливает его неэтнический характер? В статье, на примере Хорватии и Сербии, как странах балканского, не западноевропейского мира, предлагается к обсуждению феномен неэтнического субнационального регионализма, а также вопрос о том, какую роль играет язык, будучи маркером и инструментом идентичности, в актуализации неэтнического субнационального регионализма. Объяснена связь между этносимволическими требованиями и формированием / развитием неэтнического регионализма в хорватской Истрии и сербской Воеводине, которые представлены на политической арене этно-региональными и регионалистскими партиями, чьи электоральные манифесты содержат в различных конфигурациях разнообразные требования регионализма. Выявлена особенность процессов нациестроительства в Сербии и Хорватии и их влияние на динамику языковых и регионалистских требований в повестке Воеводины и Истрии.

Ключевые слова: языковая политика; неэтнический субнациональный регионализм; Воеводина; Истрия.

Субнациональный регионализм имеет различные варианты концептуализации. П.В. Панов, анализируя современную исследовательскую литературу, выделяет три основных коннотации данного понятия. Во-первых, регионализм как интенсивная региональная идентичность, которая основана на гетерогенности регионов и практиках ее восприятия в общественном сознании; во-вторых, как «движение, которое стремится к обретению регионом политической субъектности»; и в-третьих, институционализированная и устоявшаяся «модель взаимоотношений между центром и регионом, когда последний обладает политической субъектностью» (Панов, 2020). Если рассматривать субнациональный регионализм во втором смысле, как «движение», возникает вопрос: какие основания позволяют различать субнациональный регионализм в этнически гетерогенных сообществах, и что обуславливает его неэтнический характер. В статье, на примере Хорватии и Сербии, предлагается к обсуждению роль языка как маркера и инструмента региональной идентичности в контексте актуализации субнационального «неэтнического регионализма». Обращение к балканским случаям регионализма интересно в контексте дискуссий о природе и пространственных вариациях субнационального регионализма.

**Сравнительный субнациональный регионализм:
этничность имеет значение?**

Концептуальное осмысление феномена субнационального регионализма по большей части связано с теоретическим поиском и академическими дискуссиями, начатыми в конце 1990-х гг. известным политологом М. Китингом. В статье «Новый регионализм в Западной Европе», ставшей знаковой для развития региональных политических исследований, М. Китинг указывает на то, что территория фреймирует политику и практики социального взаимодействия (Китинг, 2003: 67). Одновременно с этим она выступает в качестве основы идентичности и движущей силы в производстве и вос-

производстве ее маркеров – языка, культуры, религии, а также консолидирующих и солидаризирующих сообщество разнообразных инструментов – символов и мифов. Регион формируется и конструируется, и его уместно рассматривать и в качестве пространства политического действия, и в качестве субъекта, вовлеченного в политику и в процесс принятия решений. Эта идея Китинга была концептуально развернута в работе П. Шмитта-Эгнера (Schmitt-Egner, 2002), который предложил понимать регион одновременно в качестве пространства и субъекта действия («action space» и «action unit»).

Дуальное понимание региона позволило М. Китингу определить регионализм и как политическое движение, и как набор требований, артикулируемых и агрегируемых на субнациональном уровне политики. Эта идея была развита Х.-Ю. Пуле, который также рассматривает регионализм как идеологию и следующее за ней движение (Puhle, 2000). В свою очередь, Б. Хётне (Hettne, 2005) для измерения степени регионализации ввёл понятие «регионность» и предложил связывать возрастание «регионности» с процессом увеличения субъектности региона. Он соглашается с М. Китингом в том, что регион представляет собой конструкт – «воображаемое сообщество», и ключевой для него идеей в росте регионности выступает политически конструируемая «идея региона». Таким образом, «регионализм» в конструктивистской логике можно понимать в качестве политического процесса, в котором политические акторы субнационального уровня, манифестируя особость своего региона, приобретают и/или наращивают политическую субъектность. Рост политической субъектности региона следует рассматривать как сопряженную, а иногда, вероятно, обусловленную актуализацией и интенсификацией конфликта региона с центром. Так, по мнению А. Пааси, «независимо от того, мобилизует ли региональная принадлежность людей вступать в конфликт с центральной властью, их принадлежность к региону требует чувства общности и самобытности, которые часто подвергаются сомнению и нюансируют национальные чувства» (Paasi, 2011: 9). При этом субъектами регионализма могут выступать в равной мере и в разнообразных проявлениях как государственные, так и негосударственные политические акторы (Söderbaum, 2003: 1–2), среди которых особый интерес представляют регионалистские политические партии, чья политическая повестка, отраженная в электоральных программах, содержит манифестации субнационального регионализма.

Значимым направлением в исследованиях регионализма стали дискуссии о т.н. «сравнительном регионализме», в рамках которых обсуждаются и вопросы типологии регионализма и допустимости сравнения регионализма не только в пространстве Европы, но и за ее пределами. Так, Борзл и Рисс (Börzel & Risse, 2019) справедливо задают вопросы о методологических возможностях объяснения различий «плотности и силе регионализма» в разных регионах мира. Используя в качестве методологической основы теорию интеграции, они, во-первых, предлагают объяснять силу регионализма через характеристику нацеленности и признания необходимости / полезности разных вариантов взаимозависимости стран и / или регионов. Во-вторых, отмечают, что усилия элит по «формированию региональной идентичности» легитимированы в общественном мнении регионального сообщества. И, наконец, в-третьих, указывают на тиражирование «институциональных моделей, которые адаптированы к конкретным региональным условиям» (Börzel & Risse, 2019: 1239). Представляется, что обсуждение вопроса о маркерах силы регионализма, а также обуславливающих ее факторах релевантно и в случае сравнительного изучения субнационального регионализма.

Основанием для выделения типов субнационального регионализма является его природа. В частности, Дж. Кабатеки, обсуждая связь субнационального регионализма и языка, пишет, что «было бы трудным и даже невозможным описывать регионализм без отсылки к языку или языковому разнообразию, поскольку большинство регионалистских движений Европы последних 150 лет хотя бы частично имеют лингвистические основания» (Kabatek, 2019). В. Стрелецкий, ссылаясь на работы А. Трейвиша, пишет, что структурными элементами регионализма являются региональная идентичность, приверженность членов регионального сообщества свойственным для региона традициям, воплощение региональных идей в общественные движения, а также регионализация, понимаемая как институционализация регионально ориентированной государственной политики и управления (Стрелецкий, 2012: 10–11). На основании такого подхода к определению регионализма Стрелецкий предлагает выделять «культурный регионализм», стержневым понятием в интерпретации которого является региональное самосознание, включающее в себя восприятие членами регионального сообщества своей особенности и ее оснований. В качестве индикаторов культурного регионализма автор называет в том числе характеристики этнического состава регионального сообщества, а также свойственную ему лингво-диалектную систему (Стрелецкий, 2012: 11).

Такой взгляд на природу субнационального регионализма позволяет различать, например, этнический и неэтнический регионализмы. Безусловно, разнообразные программы и инструменты ЕС

катализировали возрастание региональности в европейском пространстве, где сильны «этносимволистические» основания регионализма, к которым относится такой маркер идентичности, как родной язык. Требования права на родной язык, восприятие своего языка как безусловной ценности и маркера общности сообщества могут рассматриваться не только как символический инструмент этнополитической мобилизации, но быть прагматически сопряженными с актуализированной в политической повестке регионалистскими требованиями. Так, в случае Каталонии в Испании требования относительно статуса регионального языка, а также политические дискуссии о содержании и масштабе преференциальной языковой политики играют символическую роль в конфликте между Каталонией и Испанией (Борисова, Филиппова, 2019). Но возникает вопрос, как связаны манифестации регионализма и этносимволические требования по поводу родного языка в тех случаях, где субнациональные АТЕ выделены преимущественно по территориальным основаниям. Иными словами, речь идет о связи этносимволических требований и силы «неэтнического» регионализма. К таким случаям можно отнести Истрию в Хорватии и Воеводину в Сербии, которые представлены на политической арене этнорегиональными и регионалистскими партиями, чьи электоральные манифесты содержат в различных конфигурациях разнообразные требования регионализма.

Факторы успешности регионализации и природа субнационального регионализма на Балканах

Исследования субнационального регионализма, как правило, сопряжены с изучением практик регионализации. В академической литературе в случае обсуждения субнационального регионализма регионализация понимается как «процесс передачи части внутригосударственных полномочий в политической и экономической сферах региональным органам и организациям» (Ачкасов, 2006: 24), который связан с практиками институционализации многоуровневого управления (Стрежнева, 2011: 170). Г. Яровой в своей книге уточняет, что регионализация имеет несколько измерений (Яровой, 2007: 108–110). Так, в политической сфере речь идет об институционализации системы power-sharing, включающей установление механизмов и процедур самоуправления и соучастия в принятии решений на национальном и даже наднациональном уровне региональной элиты. В свою очередь, регионализация в сфере культуры связана с практиками предоставления региональным сообществам культурной автономии. Здесь следует добавить, что предоставление культурной автономии нередко сопряжено с институционализацией преференций и реализацией преференциальной политики в отношении регионов.

Политическая регионализация, как процесс децентрализации и деконцентрации системы политического управления в разных страновых контекстах, принимает различные формы. Ссылаясь на работы М. Китинга, Дж. Логлина и др., Т. Саартс пишет, что западноевропейская и восточноевропейская версии регионализации принципиально отличаются временем их проявления и развертывания. Для стран Западной Европы это был период 1970–1980-х гг., в то время как в странах ЦВЕ регионализация была запущена в 1990–2000-х гг. (Saarts, 2019: 4). Если для западноевропейских стран регионализация фактически шла бок о бок и была связана с институционализацией европейской интеграции, то в случае стран ЦВЕ роль ЕС следует рассматривать как важный внешний контекстный фактор, однако его едва ли следует рассматривать как единственный и / или определяющий фактор успешности регионализации, поскольку вариативность субнационального регионализма во многом обусловлена страновыми традициями институционального развития. Применительно к странам ЦВЕ, как отмечает Саартс, можно говорить о «сильной государственной традиции централизма» на протяжении всего XX в., о «в меньшей степени выраженных региональной идентичности и практиках политической мобилизации», о «слабо укорененном гражданском обществе, что препятствует развитию жизнеспособной местной демократии и ослабляет стремление к более широкой региональной деволюции», а также о том, что «вопрос о регионализации в политической повестке стран ЦВЕ носил преимущественно нормативный характер и был навязан извне, а не обусловлен запросом самого общества» (Saarts, 2019: 5).

На примере Чехии, Словакии, Венгрии, Польши, Хорватии, Латвии, Эстонии, Литвы, Словакии и Болгарии Саартс тестирует значимость (1) наличия политических акторов регионального уровня, продвигающих идеи регионализма; (2) наличия этнической группы, выступающей от имени региона и манифестирующей требования регионализма; (3) наличия исторических регионов; а также (4) размера страны (численности населения). Использование метода QCA позволило Саартсу обнаружить четыре варианта регионализации: «регионализация под влиянием ЕС», «частичная регионализация», а также структурно или контекстуально «блокированные регионализации» (Saarts, 2019: 17).

Для Хорватии, равно как и Румынии, характерна «частичная регионализация»: там факторы ЕС и политических акторов регионального уровня «не имели вообще никакого значения, в то время как наличие исторических регионов, этнический фактор вкуче с размером страны оказались значимыми» (Saarts, 2019: 15).

Обсуждение значимости для регионализации этих четырех факторов применительно к балканским странам представляет интерес в перспективе сравнения двух регионализмов – истрийского и воеводинского, которые в исследовательской литературе, посвященной балканским вариациям субнационального регионализма, ставятся в один ряд (Stjepanovic, 2012; Stjepanovic, 2018). Д. Степанович пишет, что «процессы построения или реконструкции территориальных политий и определения их политической принадлежности в югославском контексте после 1990 г. не всегда опирались на исключительную этническую принадлежность: <...> заметными примерами являются Воеводина в Сербии и Истрия в Хорватии» (Stjepanovic, 2012: 1042). В своей последней работе, посвященной регионализму в Сербии и Хорватии, Д. Степанович сравнивает истрийский, далматинский и воеводинский регионализмы, указывая на то, что в их основе лежат институционализированные практики управления этническим разнообразием, а не фактор этнической однородности. Он пишет о том, что Далмация, Истрия и Воеводина являются примерами трёх типов регионализма: мультинациональный в Истрии, секционный в Далмации и полиэтничный в Воеводине. При этом существенное различие между Воеводиной и Истрией в том, в отличие от Истрии, «в Воеводине существует кросс-секторальная поддержка региональных интересов, а отдельные этнические группы обладают политической силой», которая позволила добиться региональной автономии (Stjepanovic, 2018: 183). М. Саньеме-Кальвет в своей рецензии на книгу Степановича высказывает сомнение в обоснованности предложенного различия истрийского и воеводинского регионализмов. Он отмечает, что не только в Воеводине, но и в Истрии регионализм включает разнообразные этнические идентичности: можно ли считать, что есть сколько-нибудь существенная разница между «мультинациональным» и «полиэтническим» регионализмом и «не должна ли речь идти о степени значимости этничности, а не о категориях?» (Sanjaume-Calvet, 2018: 2). Автор предлагает альтернативное объяснение существенных различий. Он пишет о том, что субнациональный регионализм в Истрии испытывал, вероятно, «серьезное давление со стороны сильных приграничных националистических дискурсов (например, итальянского и хорватского)» (Sanjaume-Calvet, 2018: 2). И именно в этой идее, предложенной Саньеме-Кальветом, как представляется, есть важное потенциальное объяснение: успех регионализации зависит как от внешнего контекста, сопряженного с особенностями географического положения региона, так и внутривнутриполитической ситуации в стране в целом, проявляющейся в доминирующем дискурсе, носителем которой являются национальные элиты.

Это требует обращения к феномену балканизма, который позволяет выявить и объяснить существенные характеристики истрийского и воеводинского регионализмов. Речь идет о концепции «балканизма» М. Тодоровой, которая предлагает рассматривать данный феномен в логике Саида об ориентализме: «балканизм как альтер эго Европы» (Todorova, 1997). Хотя Балканы являются частью Европы, в политическом дискурсе они воспринимаются как отсталая периферия, будучи ее тенью, структурно презираемым альтер эго, темной стороной внутри Европы» (Todorova, 1997: 482). Наличие дискурса балканизма позволяет увидеть сложность процесса формирования субнационального регионализма в таких балканских странах, как Сербия и Хорватия. Если для Сербии и риторики ее лидера в 1990-е гг. С. Милошовича было характерно признание преемственности Югославии, то, как пишут М. Ража и Н. Линдстрем, «хорватские лидеры стремились содействовать формированию идентичности, которая бы максимально дифференцировала ее от югославской идентичности и других составляющих национальностей, составляющих бывшую Югославию, и в первую очередь от Сербии» (Razsa & Lindstrom, 2004: 634). Именно контекст балканизма, как представляется, имеет значение в случае понимания природы и роста субнационального регионализма в мультиэтничных Истрии и Воеводине.

Сербская Воеводина и Хорватская Истрия: этнический регионализм в полиэтнических регионах

Мультиэтнический характер структуры общества Сербии и входящей в её состав Воеводины, равно как и Истрии в составе современной Хорватии, являются следствием особенностей исторического развития Балкан.

Воеводина. Исторически оформление Воеводины в качестве отдельной административно-территориальной единицы было обусловлено политикой Габсбургов в отношении подконтрольных им балканских территорий. Территориально Воеводина стала частью империи Габсбургов еще в начале XVIII в., когда население, проживавшее в границах этого края, было преимущественно сербским¹. Политика Австрийской империи по отношению к воеводинским сербам носила поощрительный характер: согласно «диплому 1690 года» сербам-переселенцам были гарантированы защита императора, право на свободное вероисповедание и церковную автономию. Сербов составили «этническое ядро» Воеводины, что, однако, не означало формирование Воеводины как моноэтнической по своему характеру территории. Территория края была местом столкновения интересов Османов и Габсбургов, предметом колонизационной политики Вены, а также трений между последней и Будапештом. С середины XVIII в. территорию современной Воеводины начинают заселять переселяемые Австрией немцы, призванные контролировать эти территории. В соответствии с «Патентом о колонизации» (1763 г.), они получали административные должности. В 1770-е гг. началось переселение румын из высокогорья на территории Воеводины. Будапешт проводил свою, достаточно активную политику мадьяризации края. Все это способствовало его полиэтничности: в середине XIX в., как отмечает А. Кобелев, крупнейшими этноязыковыми группами в Воеводине были венгерская, славянская и немецкая (Кобелев, 2016: 47).

Мобилизация этничности на Балканах впервые проявилась в середине XIX в. Применительно к Сербии и Воеводине речь идет о росте сербского этно-регионального движения, которое было стимулировано в том числе языковым законом 1830 г., наделившим венгерский язык официальным статусом в регионе. В ходе событий 1848 г. лидеры сербского этно-регионального движения объявляют край «*Сербской* Воеводиной», принимают петицию о сербском языке как о языке публично-правовой коммуникации, о восстановлении автономии, а также о признании за сербами равных с немцами и венграми прав. Это была попытка создать автономию для сербов в составе Австро-Венгрии. Однако «Весна народов» была подавлена, а мадьяризация Воеводины продолжилась, что отразилось и на этническом составе населения региона. Но уже после Первой мировой войны, когда край стал частью Сербии в составе Королевства Югославии, венгры и немцы лишились своих прав не только на образование на родном языке, но и были органичны в некоторых политических правах. А. Кобелев пишет о том, что по Конституции 1921 г. венгры имели право участвовать в качестве кандидатов в депутаты Скупщины только по достижении 30-летнего возраста и при условии владения сербохорватским языком (Кобелев, 2016: 47–48). Таким образом, языковая политика Сербии в отношении венгерского и иных языков в 1920-е гг. носила явно ограничивающий характер и способствовала изменению этноязыкового профиля Воеводины.

Значимым для формирования воеводинского регионализма стали события, связанные с политическими реформами И. Броз Тито. В 1974 г. Воеводина была наделена статусом автономного края в составе Сербии. Следует отметить, что титовский проект многоуровневой федерации решал задачи политического ослабления Сербии как союзной республики и сербов как этнической группы. Для этого он использовал в том числе инструменты институционализированной языковой преференциальной политики, результатом которой стало реальное обеспечение прав носителей миноритарных языков в случае их компактного проживания (Szerbhorvath, 2015: 57).

В условиях распада СФРЮ и в результате решения С. Милошевича о лишении Воеводины автономного статуса началось формирование регионалистски настроенных политических партий и политических движений. Речь идет, в первую очередь, о таких политических силах как «Лига социал-демократов Воеводины» и «Альянс воеводинских венгров». Эти миноритарные, с точки зрения серб-

¹ «Сербиизация» территории современной Воеводины началась еще в XV в., когда под влиянием жесткой политики Османской империи в отношении православного населения Балкан и поощрительной политики Венгерского королевства и Габсбургов, которые рассматривали северные территории современной Сербии как «Военную Краину», сербы переселялись на юг, получая землю в обмен на службу и охрану границы. Кроме того, важным стало «великое переселение сербов» в 1690 г – масштабный исход населения с территории современного Косова и Южной Сербии на север, за Дунай и Саву – на территорию современной Воеводины (Кобелев, 2016: 46).

ской партийной политики, партии артикулировали требования не только защиты и обеспечения языковых прав этнических меньшинств, но и восстановление автономии края, этнический состав которого носит относительно фрагментарный характер. В соответствии с данными Переписи 2011 г. сербы являются доминирующей этнолингвистической группой, в то время как венгры составляют только 13%¹. Всего на территории современной Воеводины проживают представители 26 этнических групп². Эти данные позволяют утверждать, что в Воеводине отсутствует титульная группа, а региональная автономия не носит характер этнической, как это предлагает понимать (Панов, 2017).

Автономный статус Воеводине, как краю в составе Сербии, был возвращен в 2002 г. Агентами институционального восстановления автономии выступил не только регионалистски настроенный «Альянс воеводинских венгров», но и правящая Демократическая партия Сербии во главе с Б. Тадичем. Именно позиции Демократической партии Сербии и самого Тадича по вопросу о взаимоотношениях Сербии и ЕС стали внешним «локомотивом» воеводинского регионализма, частью программы которого было продвижение евроинтеграции в Сербии. Именно в 2011 г., в период второго президентского срока Тадича, был принят закон о праве Автономного края Воеводины формировать региональное правительство, банк, проводить самостоятельную фискальную политику. Это рассматривается исследователями как одно из условий вступления Сербии в ЕС (Кудряшова, 2014: 68).

Требования «Альянса воеводинских венгров» касались не только автономизации Воеводины (здесь речь как раз шла о региональной автономии), но и локальной автономии для тех территорий, в границах которых концентрированно проживают этноязыковые меньшинства, в том числе венгры³. Особенно активной позиция Альянса по защите венгерского языка была во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. (Tolvaisis, 2012). Например, в партийном манифесте, принятом на IX партийном съезде в 2004 г. было заявлено: «...Мы выступаем за экономическое восстановление провинции и нашего самоуправления, поселений и всех регионов, где проживают венгры. Мы боремся за образование на родном языке и за экономическую независимость Воеводины»⁴. Манифест 2004 г. содержал требования защиты культурных, религиозных и языковых прав венгров, а также институционализации масштабной системы по поддержке и обеспечению прав венгерского меньшинства в Воеводине, включающей реализацию специальных мер в области культуры, образования и масс-медиа.

Начиная с 1994 г., Альянс не только артикулировал требования локальной автономии, но и предлагал институциональный способ защиты прав этнических меньшинств – создание консультативных совещательных органов. В 1999 г. по инициативе Альянса был создан «Этнический совет венгров Воеводины», деятельность которого послужила основой для разработки и принятия в 2009 г. закона Сербии об этнических советах. Т. Паргер пишет, что в период с 2002 по 2010 гг. решения и предложения этнического совета венгров⁵ Воеводины продвигались через краевую Скупщину, а в 2008 г. предложения «Этнического совета венгров» о законодательном расширении прав этнических советов вошли в повестку Скупщины Сербии (Purger, 2012: 4). Уже в 2009 г. Закон Сербии «О советах этнических меньшинств» был принят⁶, при этом практика создания и работы советов распространилась на все территории страны. Этот закон институционализировал специальную систему самоуправления для этнических меньшинств, частью которой стали механизмы реализации прав в области культуры, образования, СМИ и официального использования языка. Имея консультативный статус, советы обеспечивают поддержание национально-культурной автономии этнических меньшинств на территории не только Воеводины, но и в целом Сербии. Решения органов МСУ по вопросам поддержки этничности, культуры, языка, образования зависят от позиции совета той этнической группы, которая является доминирующей в конкретном муниципалитете. Именно работа этих советов обеспечивает многоуровневый характер автономии в Воеводине.

Включение в текст Конституции Сербии положений о защите прав этноязыковых меньшинств и дублирование этих положений в тексте Статута Воеводины 2009 г. было обусловлено борьбой вое-

¹ 2011 Census of Population, Households and Dwellings in the Republic of Serbia. Book 1. Ethnicity. Belgrade, 2012. P.21–22.

² Vojvodina Basic Facts // Official site of the Autonomous Province of Vojvodina. URL: <http://www.vojvodina.gov.rs/en/autonomous-province-vojvodina> (accessed: 19.10.2015).

³ Это, например, требование о создании локальной автономии для венгров на севере Воеводины.

⁴ Program Saveza vojvodanskih Mađara, 2004 / "Savez vojvodanskih Mađara". URL: <http://www.vmsz.org.rs/sr/content/program> (accessed: 13.05.2017).

⁵ Это, например, утверждение списка венгерских топонимов для городов, поселков и деревень, где большинство составляют этнические венгры, создание венгерского педагогического колледжа в Суботице и др.

⁶ Law on the National Councils of National Minorities / Official site of the Provincial Secretariat for Education, Regulations, Administration and National Minorities. URL: http://www.puma.vojvodina.gov.rs/dokumenti/zakoni/Zakon_ns.pdf (accessed: 14.10.2015).

водинских венгров за создание *многоуровневой автономии*, одним из оснований которой являлась этничность. Но именно многоуровневый характер автономии и выводит этничность за рамки региональной политики в Сербии, наделяя воеводинский регионализм неэтническим характером и актуализируя иные вопросы в регионалистской повестке (вопросы бюджетной и фискальной политики, возможностей евроинтеграции и т.п.). Субъектом языковой преференциальной политики в Сербии стало национальное правительство, а не региональные политические акторы. На местном же уровне рутинизированные практики принятия решений по этим вопросам оказываются в компетенции органов МСУ совместно с этническими советами. Языковая преференциальная политика в современной Сербии не реализуется исключительно в отношении конкретной территории, хотя, безусловно, ее актуализация и институционализация были важной частью процесса институционального оформления Воеводины как региональной автономии с полиэтничным составом, где гарантировано сохранение и выживание любой, даже самой маленькой, этнической группы.

Важным для деполитизации вопроса о миноритарных языках в Сербии, равно как и в Воеводине, стали подписание и ратификация Сербской Скупщиной в 2005 г. «Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств». В соответствии со взятыми обязательствами Сербия обеспечивает защиту и поддержку не только венгерского, но и албанского, боснийского, болгарского, румынского, русинского, словацкого, украинского, хорватского, цыганского языков. В соответствии с *la carte* обязательствами в период с 2013 и 2014 гг. были изменены и/или приняты законы, которые обеспечивают защиту прав этноязыковых меньшинств в области образования («Закон о начальном образовании», «Закон о среднем образовании» и «Закон об образовании взрослых»), защиту прав этнических меньшинств в суде и т.п.¹ В 2016 г. национальное правительство объявило о реализации «Плана действий по защите прав меньшинств». Этот план включает в себя специальные мероприятия по защите миноритарных языков, соответствующие обязательствам Сербии перед Советом Европы².

Особенностью партийной и электоральной ситуации в Воеводине является то, что «Альянс Воеводинских венгров» является значимой, но не доминирующей силой в регионе. Альянс с 1997 г. постоянно участвует в выборах в национальный парламент, но при этом его успехи скромны (табл.).

Таблица

Электоральные результаты партии «Альянс воеводинских венгров» на выборах в Скупщину Сербии, 1997–2016 гг.

Год	Партнер по электоральной коалиции	Всего голосов, %	Количество мест у АВВ	Статус по отношению к правительству
1997	-	1,23	4	Оппозиция
2000	Демократическая оппозиция Сербии	64,09	6	Вошла в коалиционное правительство
2003	-	4,23	0	-
2007	-	1,23	2	Оппозиция
2008	В составе Венгерской коалиции	1,8	4	Проправительственная
2012	-	1,75	5	Оппозиция
2014	-	2,10	6	Проправительственная
2016	Прогрессивная партия Сербии	1,5	4	Проправительственная

Источник: Serbia. Narodna skupstina (National Assembly). In: Inter-Parliamentary Union. URL: http://archive.ipu.org/parline-e/reports/2355_arc.htm (accessed: 03.11.2019)

На региональных выборах самый лучший электоральный результат Альянса был в 2004 г., когда партия получила 11 из 120 мест в региональном парламенте. На последних выборах в 2016 г.

¹ European Charter for Regional or Minority Languages: Application of the Charter in Serbia. Strasbourg: Council of Europe, 2016. URL: http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/Report/EvaluationReports/SerbiaECRML3_en.pdf (accessed: 11.07.2017).

² Action Plan for the Realisation of the Rights of National Minorities. Belgrade, 2016. URL: http://www.puma.vojvodina.gov.rs/etext.php?ID_mat=808 (accessed: 11.07.2017).

Альянс получил только 6 мест (все по партийному списку)¹. Электоральные данные свидетельствуют о миноритарном статусе ведущей этнорегиональной партии Воеводины. Такой статус, безусловно, стимулирует партию к вхождению в тактические политические коалиции. Например, в 2016 г. Альянс заключил коалиционное соглашение с общенациональной «Прогрессивной партией Сербии», выступающей за евроинтеграцию. В тексте соглашения хотя и оговариваются стандартные права этнических меньшинств на поддержку родного языка², но основные его положения все-таки касаются целей евроинтеграции. «Альянс воеводинских венгров» в свете этого соглашения выступает не столько как агент интересов венгров, сколько как субъект воеводинского регионализма. Воеводина рассматривается партией не просто как региональная автономия, но как потенциальный еврорегион, о чем было заявлено еще в партийном манифесте 2004 г.: «...Мы поддерживаем широкую и реальную автономию Воеводины как развитого, демократического и децентрализованного еврорегиона с законодательными, исполнительными и судебными функциями»³.

Примечательно, что аналогичную, и даже, пожалуй, более последовательную позицию в отношении видения Воеводины продвигала другая регионалистская партия – «Лига социал-демократов Воеводины», электоральные позиции которой в Скупшине Сербии, равно как и в ассамблее Воеводины сопоставимы с позициями Альянса⁴. В программе Лиги (2009 г.) заявлено: «Мы рассматриваем Воеводину как мост между Сербией и Европой, регионом, который, используя свои ресурсы, развивает свой потенциал и который, принимая и уважая опыт других, превращается в современный европейский регион...»⁵. В этом контексте имеет ли значение балканизм как феномен в воеводинской политике? Анализ партийных программ свидетельствует, что скорее нет, чем да. В партийной риторике и Альянса, и Лиги цели евроинтеграции формулируются как значимые не только для Воеводины, но и для Сербии в целом, а Воеводина едва ли рассматривается как потенциально отделимая от Сербии территория. Она понимается, скорее, как «мост в Европу для современной Сербии».

Истрия. Истрийский регионализм, как считает Д. Степанович, похож на воеводинский (Stjepanović, 2015: 1042–1043). Однако это утверждение все-таки требует уточнения. Как и Воеводина, современная Истрия имеет особое географическое положение. Она также является приграничной, но в отличие от Воеводины в Сербии, хорватская Истрия является морским регионом, что, безусловно, повлияло на перипетии в ее истории. В разное время на протяжении нескольких столетий она была под контролем итальянских республик (например, Венеции), австрийских Габсбургов, Италии, пока не стала частью Хорватии, сначала в составе СФРЮ, а с 1991 г. собственно жупанией в составе Хорватии. В отличие от Воеводины, Истрия никогда не имела особого статуса – ни в составе Австро-Венгрии, ни в составе социалистической Хорватии, хотя и политика Австро-Венгерской империи до 1918 г., и политика И. Броз Тито во второй половине XX в. защищала права этнических меньшинств. Ссылаясь на работы Риндлер-Шьерв и Маратца, Л. Сочанач пишет, что в соответствии со ст. 19 Конституции Австро-Венгрии (1867 г.) в мультиэтнических регионах государственные учебные заведения должны были быть организованы таким образом, чтобы каждая из этнических групп могла обучаться на своем собственном языке без какого-либо давления с целью изучения второго регионального языка. При этом признаны были 14 языков, в числе которых: хорватский, чешский, немецкий, венгерский, итальянский, литовский, польский, румынский, русский, сербский, словацкий, словенский, украинский и турецкий (Soćanas, 2012: 301). В межвоенный период положений, регламентирующих статус миноритарных языков, в Конституции Королевства Югославии не было. Ситуация значительно изменилась в СФРЮ – в 1974 г., когда было признано равенство всех национальных языков и скриптов. Однако Хорватия в своей республиканской Конституции того же 1974 г. признала в качестве официального только один язык – хорватский. Этот момент в истории Истрии является, равно как и период Второй мировой войны, крайне важным. Дело в том, что Истрия (наряду с современной

¹ Покрајинска изборна комисија. URL: <http://www.pik.skupstinavojvodine.gov.rs/Strana?s=izbori2008&i=2008> (accessed: 03.11.2019).

² Коалициони споразум о заедничком програмском деловану и учешћу у Влади Републике Србије, 14.08.2016 / Site "Savez vojvodanskih Mađara". URL: http://www.vmsz.org.rs/sites/default/files/user-images/Koalicios_szerzodes_srb.pdf (accessed: 12.05.2017).

³ Program Saveza vojvodanskih Mađara, 2004 / "Savez vojvodanskih Mađara". URL: <http://www.vmsz.org.rs/sr/content/program> (accessed: 13.05.2017).

⁴ Serbia. Narodna skupstina (National Assembly). In: Inter-Parliamentary Union. URL: http://archive.ipu.org/parline-e/reports/2355_arc.htm (accessed: 03.11.2019); Покрајинска изборна комисија URL: <http://www.pik.skupstinavojvodine.gov.rs/Strana?s=izbori2008&i=2008> (accessed: 03.11.2019).

⁵ Program Lige Socialdemokrata Vojvodine. URL: http://lsv.rs/UserFiles/pdf/Program_LSV.pdf (accessed: 09.11/2019).

Приморско-Горанской жупанией) является территорией длительного итальянского влияния, где в разные исторические периоды итальянский язык играл очень большую роль.

В отличие от Воеводины, которая на протяжении всего XX в. «не покидала» Сербию и проходила вместе с ней процессы нацистроительства, Истрия имела принципиально иную траекторию развития. До 1918 г. территория Истрии (а это не только хорватская Истрия, но и ее словенская и итальянская [Триест] части) входила в состав Австро-Венгрии. В период с 1918 по 1920 гг. она была номинально объявлена территорией в составе новообразованного Государства Словенцев, Хорватов и Сербов, однако уже в 1920 г. полуостров вошел в состав Италии. Истрия оставалась «итальянской» до 1943 г., и в этот период власти проводили достаточно жесткую антиславянскую политику (Smith, 2008: 1539). В 1943–1945 гг. регион был под властью Германии, пока ее не освободили югославские партизаны. В 1945 г. союзники и Югославия подписали Белградское соглашение, которое разделило Триест на две зоны: «Зону А под контролем союзников, включающую районы Триеста, Гориции и Пулы, и Зону В под контролем югославов, в которую вошла большая часть Истрии» (Smith, 2008: 1539). Дальнейшая судьба Истрии оказалась сопряженной с логикой развертывания холодной войны: в 1954 г. в Лондоне было подписано соглашение, по которому Триест отошел к Италии, а Истрия – СФРЮ. Хорватские истрийцы отмечают, что за XX в. они успели побывать и «итальянцами», и «хорватами», а их имена звучали в разные годы по-итальянски, по-немецки и по-хорватски¹.

Политика Тито была направлена на установление гражданского мира в многонациональной Югославии, где хорваты были одним из нациеобразующих народов. Напротив, итальянцы такого статуса не получили, равно как не был дарован особый статус Истрии: не столько по причине политической ненадобности, сколько целесообразности и понимания того, что дать автономии Истрии – значит стимулировать сепаратизм. Т. Смит пишет, что «в Истрии дискурс сотрудничества был сосредоточен на превращении итальянцев из фашистских врагов в партизанских товарищей» (Smith, 2008: 1542). Разделение региона сопровождалось «исходом» италоговорящего населения из хорватской Истрии, что постепенно сделало истрийских итальянцев меньшинством². Примечательно, что в исторической памяти эти события нивелируются и, как правило, не обсуждаются, в то время как участие истрийцев в войне однозначно рассматривается как антифашизм, как практики партизанского движения³. И этот элемент исторической памяти конструирует «истрианизм» – истрийский регионализм. Как отмечает Дж. Ашбрук, «в течение всего XX в. именно национальные идентичности (итальянская и хорватская) использовались и политизировались в целях включения региона в состав того или иного государства» (Ashbrook, 2006: 623). Представляется, что именно конфликт итальянского и хорватского дискурсов следует рассматривать как конструирующий для истрианизма.

Для современной Хорватии характерны «войны исторической памяти»: истрийцы полагают, что «Хорватия до сих пор сидит в окопах...»⁴, и в обыденной речи они именуют хорватов «ушастами», а себя – не иначе как «партизанами», настаивая на своей большей толерантности, либеральности, западности, открытости, европейскости и т.д. Именно в хорватском, а не в сербском случае для субнационального регионализма значимым оказался феномен антибалканизма. Ража и Линдстром пишут: «Балканизм сыграл важную роль в формировании хорватской национальной идентичности после распада СФРЮ. Хорватские лидеры стремились содействовать формированию идентичности, которая была бы максимально дифференцирована от ее югославской идентичности и других составляющих национальностей, составляющих бывшую Югославию, и в первую очередь от Сербии» (Razsa & Lindstrom, 2004: 634). Они даже цитируют хорватского лидера Туджмана, который в рамках президентской избирательной кампании в 1997 г. заявил: «...По своему геополитическому положению, по всей своей четырнадцативековой истории, по своей цивилизации и культуре Хорватия принадлежит к центральноевропейским и средиземноморским кругам Европы. Наши политические связи с Балканами в период с 1918 по 1990 год были лишь кратким эпизодом в истории Хорватии и мы полны решимости не повторять этот эпизод снова...» (Razsa & Lindstrom, 2004: 642). Получается, что и истрийские политики, и хорватские националисты в 1990-е гг. одинаково стремились использовать проевропейскую риторику. Ашбрук отмечает, что «следуя примеру правящей партии «Хорватский

¹ Данные интервью. Пазин, Хорватия. Октябрь 2019 [Личный архив автора]. Подобные оценки также характерны для хорватских историков и политологов (Blagonić, 2016; Tomaić, 2018).

² По данным переписи 2011 г. носители хорватского языка в хорватской Истрии составляют 86,78, итальянского - 6,83, албанского - 1,02, бошняцкого - 1,38, остальные - 2,26%. Более подробно см.: Census of Population, Households and Dwellings 2011. Croatian bureau of statistics. URL: https://www.dzs.hr/default_e.htm (accessed: 12.06.2019).

³ Серия интервью в Истрии. Октябрь 2019 [Личный архив автора].

⁴ Данные интервью. Загреб, Хорватия. Октябрь 2019 [Личный архив автора].

демократический союз» (ХДС), регионалисты политизировали идентичность, заявив, что ХДС подрывает многоэтничность, которая является основной характеристикой Истрии» (Ashbrook, 2006: 630).

Д. Степанович подчеркивает, что с самого начала, уже в 1990-е гг. ведущая политическая партия Истрии – Истрийский демократический Союз (ИДС) артикулирует требования европейский регионализма «в качестве легитимирующего нарратива» (Stjepanović, 2015: 1044). Действительно, партийный манифест ИДС содержит требования по защите и продвижению экономических интересов Истрии, многокультурного и разнообразного наследия исторического региона Истрия. Однако представляется, что ИДС, ставшая со временем ведущей политической силой в Истрии и партией, фактически построенной на патрон-клиентарных отношениях, была куда более радикальна в своих позициях в 1990-е гг., нежели, например, Альянс Воеводинских венгров в Воеводине. Примечательно, что символом ИДС являются три козы, которые символизируют единство трёх Истрий – хорватской, словенской и итальянской. ИДС первоначально вынашивала планы по воссозданию единой европейской Истрии, свободной, прежде всего, от югославского наследия, носителем которого для ИДС была Хорватия в лице правящей ХДС. Однако этот проект не получил поддержки за пределами хорватской Истрии, и память о нем осталась только в символике партии. Но тем сильнее оказались интенции ИДС по продвижению евроинтеграции.

С 1992 г. ИДС последовательно одерживала победу на всех региональных и общенациональных выборах в Истрии¹. Однако только после смены режима Туджмана в 2000 г., когда ИДС вошла в коалицию с социал-демократами, регионалистские требования партии были относительно удовлетворены. Речь идет о принятии Статута Истрии, текст которого содержит положения о гарантиях культурной и языковой специфики Истрии. Именно на рубеже 1990-х–2000-х гг. наиболее остро стоял вопрос о статусе итальянского языка в Истрии. Хорватский официальный «антибалканизм» сопровождался в 1990-е гг. развертыванием языковой политики, направленной на пуризм хорватского языка; это было одним из оснований хорватского национализма и одновременно фактором роста истрианизма.

В преамбуле Конституции указывается, что Хорватия является государством хорватского народа и представителей других этнических меньшинств². Примечательно, что итальянцы упоминались в качестве таковых и в редакции 1990 г. Вместе с тем, первая часть ст. 12 Конституции Хорватии³ однозначно указывает на то, что страна является моноязычной, в то время как ее вторая часть говорит о том, что в отдельных административно-территориальных единицах наряду с хорватским языком и латинским скриптом допускается использование другого языка и кириллицы, если это определено специальным законом. Текст основного закона недвусмысленно указывает на то, что единственный официальный язык на национальном уровне – хорватский.

В современной Хорватии два закона регулируют вопрос о праве на родной язык и язык этнических меньшинств. Это «Закон о праве на образование на языке меньшинства»⁴ и «Закон об использовании языка и письменности этнических меньшинств»⁵, которые основываются на ст. 12 и ст. 15 основного закона и были приняты в мае 2000 г. уже после смерти Ф. Туджмана. В соответствии с «Законом об использовании языка» языки этнических меньшинств могут быть признаны в качестве официальных на локальном уровне в том случае, когда представители меньшинства составляют большинство в муниципалитете или, когда они составляют не менее одной трети населения. Если муниципалитеты в соответствии с законом решают использовать язык меньшинства в качестве официального, это означает, что миноритарный язык в локалитете получает статус ко-официального. «Закон об образовании на языках...» гарантирует право этнических меньшинств получать образование

¹ Более подробно см.: Državna izborna komisija Republike Hrvatske. Arhiva. URL: <https://www.izbori.hr/arhiva-izbora/index.html#/app/home> (dostupno: 24.07.2019).

² Ustav Republike Hrvatske. "Narodne novine" broj 56/90., 135/97., 113/00., 28/01., 76/10. i 5/14. (pročišćeni tekst, Ustavni sud Republike Hrvatske, 15. siječnja 2014.). URL: https://www.usud.hr/sites/default/files/dokumenti/Redakcijski_prociscen_tekst_Ustava_Republike_Hrvatske_Ustavni_sud_Republike_Hrvatske_15_sijecnja_2014.pdf (accessed: 30/11/2019).

³ Ibidum.

⁴ Zakon o pravu na obrazovanje nacionalnih manjina, Narodne novine (Official Gazette) 51/00, (Act on education in the languages and scripts of national minorities). URL: <https://www.zakon.hr/z/317/Zakon-o-odgoju-i-obrazovanju-u-osnovnoj-i-srednjoj-%C5%A1koli> (accessed: 30/11/2019).

⁵ Zakon o uporabi jezika i pisma nacionalnih manjina, Narodne novine 51/00, (Act about the use of languages and scripts of national minorities). URL: <https://www.zakon.hr/z/1851/Zakon-o-uporabi-jezika-i-pisma-nacionalnih-manjina-u-Republici-Hrvatskoj> (accessed: 30/11/2019).

на родном языке на всех уровнях образования (от дошкольного до высшего). Однако в компетенции исключительно Министерства науки, образования и спорта Хорватии находится право утверждения учебного плана для конкретного миноритарного языка (по литературе, истории, географии и культуре). Закон регламентирует обязательное изучение хорватского языка.

Следует отметить, что Хорватия, как и Сербия, не только подписала, но и ратифицировала Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств. Хартия была подписана в 1997 г. еще при Ф. Туджмане. А. Хорват это объясняет тем, что подписание и ратификация Хорватией Хартии стало своего рода условием для евроинтеграции (Horvat, 2013: 56), которая в условиях последней президентской электоральной кампании Туджмана декларировалась как важная политическая цель. Получается, что часть важных решений Хорватия в лице правительства Туджмана принимала не столько вопреки, сколько в русле требований оппозиционной региональной ИДС, однако эти решения (ратификация Хартии, прежде всего) не удовлетворяли политические запросы истрийцев. Загреб демонстрировал готовность признать за меньшинствами права на родной язык и гарантировать им это на локальном уровне, но отказывал Истрии как региону (жупании) в праве институционализировать этноязыковые права итальянцев, прежде всего, включив их гарантии в конституирующий для региона документ – Статут. Именно этот вопрос оказался предметом политических споров 1990-х гг. вокруг содержания Статута Истрии¹. Эти дискуссии были не только жаркими, но и весьма конфликтными: включение в текст Статута положений об статусе итальянского языка стало, по мнению Д. Степановича, причиной отмены в 1995 г. Статута Истрии решением Конституционного суда Хорватии (Stjepanović, 2015: 1044). Автор объясняет блокировку истрийского запроса на региональную автономию автократическим характером режима Туджмана, проводя параллели с Воеводиной времен Милошевича. Однако едва ли только характер политического режима повлиял на динамику и успех субнационального регионализма. Во всяком случае, Воеводина получила статус региональной автономии и по данным RAI имеет индекс автономии 12,5, в то время как индекс Истрии, равно как и иных жупаний в составе Хорватии, составляет 9 (Hooghe L., Marks G., Schakel A., et al., 2016). Следует также отметить, что уровень автономии жупаний, в том числе Истрии, не меняется на протяжении 2000–2010-х гг., когда согласно данным Freedom House Хорватия стала демократией (free), балансируя между показателями 2,5 и 1,5.

Статут Истрии был принят в 2009 г. Ст. 6 Статута Истрии² наделяет хорватский и итальянский языки статусом ко-официальных языков в публично-правовой сфере, сфере администрирования, судопроизводства и образования. Ст. 25 регламентирует работу Скупщины и Правительства Истрии на итальянском и хорватском языках; один из замов спикера региональной ассамблеи – обязательно этнический итальянец, в случае, если спикер – этнический хорват. Ст. 27 Статута гарантирует право итальянского меньшинства на культурную автономию, использование языка меньшинств в государственном и частном секторах, доступ к СМИ, участие в представительных, административных и судебных органах, в общественной жизни, защиту от дискриминации, право на начальное, среднее и высшее образование на родном языке. После того, как был принят Статут Истрии, политические требования ИДС в части статуса итальянского языка были удовлетворены. В своей программе 2012 г.³, ИДС заявляет, что является *региональной* партией и стоит на «традициях европейской парламентской демократии, с которыми связано духовное и политическое пространство Истрии и истрийских островов». Истрия является, как заявляет ИДС «многокультурным и многоязычным регионом, для которого характерна множественная региональная идентичность». Иными словами, этносимволические требования в риторике ведущей политической силы Истрии, если и не сошли на нет к 2010-м гг., то стали крайне умеренными.

* * *

Артикуляция требований евроинтеграции для современной Сербии через защиту и расширение автономии для Воеводины характерна как для региональных партий, так и для их партнеров на общенациональном уровне. Особенностью Сербии было то, что ее нациестроительство не сопровож-

¹ Данные экспертных интервью. Истрия – Загреб, Хорватия. Октябрь 2019. [Личный архив автора].

² Statut Istarske Istarske županije. Glava 2. Članak 45. URL: <https://www.istra-istria.hr/index.php?id=121> (dostupno: 26.07.2019)

³ Здесь и далее цитируется программа ИДС (2012). Программа ИДС представлена на двух языках: на итальянском и хорватском: Programska deklaracija Istarskog Demokratskog Sabora. URL: http://www.ids-ddi.com/site_media/media/filer_public/91/a1/91a19e79-37cf-4a27-85e7-a188463c5571/programska_deklaracija.pdf (accessed: 20.06.2019).

далось жестким и бескомпромиссным отрицанием югославского мира и балканизма в риторике ведущих национальных партий, а оппозиционные требования основных региональных партий (Альянса воеводинских венгров и Лиги социал-демократов Воеводины) не столько эксплуатировали антибалканскую повестку, сколько последовательно отстаивали утраченное в начале 1990-х гг. право на автономию, частью которой были и гарантии языковых прав. Отсутствие в последние годы роста требований относительно статуса этнических меньшинств, в том числе языковых требований, в программах региональных партий Воеводины, тиражирование ставших стандартными для сербской политики положений о правах этноязыковых меньшинств в электоральной риторике не только региональных, но и общенациональных партий, а также институционализируемая система гарантий и защиты прав этноязыковых меньшинств на национальном уровне указывают на то, что языковая политика в современной Сербии приняла рутинизированный характер. Это свидетельствует о деполитизации вопроса о статусе миноритарных языков, его нейтрализации для воеводинского регионализма, который все более приобретает неэтнический характер.

Хорватский случай субнационального регионализма, истрианизм, также демонстрируют тренд на деэтнизацию. Истрия позиционируется в культурном отношении как мир многовекового взаимодействия славянской и латинской культур и народов – их носителей. Упоминание в партийных манифестах представления об Истрии как территории, «которая находится на геополитических полях разных национальных пространств», отсылает к идее единой европейской Истрии, которая артикулировалась в начале 1990-х гг. Фактически в этом заявлении завуалирован запрос ИДС как ведущей политической силы Истрии, на нациестроительство, который однако, не был поддержан и поэтому трансформировался в требования евроинтеграции, открытости границ как условий для развития Истрии. В этом смысле истрианизм отказывает себе в этнической природе, эксплуатируя европейскую регионалистскую риторику и продвигая повестку неэтнического, но культурно и исторически обусловленного регионализма.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00053 «Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

Библиографический список

- Ачкасов, В. (2006) 'Что такое регионализация?', *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6*, 3, сс. 24–35. [Achkasov, V. (2006) 'What is regionalization?' [Chto takoe regionalizatsiya?], *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6*, 3, pp. 24–35. (In Russ.)].
- Барыгин, И., Декальчук, А., Елсаков, А. (2008) 'Эволюция праворадикальных политических партий современной Сербии и Хорватии', *ПОЛИТЭКС*, 4(1), сс. 117–136. [Barygin, I., Dekal'chuk, A., Elsakov, A. (2008) 'Evolution of right-wing political parties and movements of modern Serbia and Croatia' [Evolyutsiya pravoradikal'nykh politicheskikh partii sovremennoi Serbii i Khorvatii], *Political Expertise: POLITEX*, 4(1), pp. 117–136. (In Russ.)].
- Борисова, Н., Филиппова, Е. (2019) 'Политика языка в контексте электоральной борьбы в Каталонии (2006–2017)', *Полит. Политические исследования*, 3, сс. 145–156. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.09. [Borisova, N., Filippova, E. (2019) 'Language Policy in Catalonia (2006–2017)', *European and Regional Studies*, 3, pp. 47–64.
- Regionalism and trans-border cooperation in Europe* [Regionalizm i transgranichnoe sotrudnichestvo v Evrope]. St. Petersburg: Norma Publ. (In Russ.)].
- Ashbrook, J. (2006) 'Locking Horns in the Istrian Political Arena: Politicized Identity, the Istrian Democratic Assembly, and the Croatian Democratic Alliance', *East European Politics and Societies*, 20(4), pp. 622–658, DOI: 10.1177/0888325406293291.
- Blagonić, S. (2016) 'Istriani protiv Istrana' ['Istrians against Istria']. Zagreb. 183 p. (In Croat.)
- Börzel, T., Risse, T. (2019) 'Grand theories of integration and the challenges of comparative regionalism', *Journal of European Public Policy*, 26(8), pp. 1231–1252, DOI: 10.1080/13501763.2019.1622589.
- Hettne, B. (2005) 'Beyond the "New" Regionalism', *New Political*, 10(4), pp. 543–571, DOI: 10.1080/13563460500344484.
- Horvat, A. (2013) 'Language Policy in Istria, Croatia – Legislation Regarding Minority Language Use', *Acta Universitatis Sapientiae, European and Regional Studies*, 3, pp. 47–64.

- guage Politics as Part of the Electoral Struggle in Catalonia (2006-2017)' [Politika yazyka v kontekste elektoral'noi bor'by v Katalonii (2006-2017)], *Polis. Political Studies*, 3, pp. 145–156. (In Russ.).
- Стрелецкий, В. (2012) 'Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов', *Псковский регионологический журнал*, 14, сс. 9–12. [Streletskii, V. (2012) 'Cultural regionalism: concept, research issues and basic indicators' [Kul'turnyi regionalizm: sushchnost' ponyatiya, problemy izucheniya i sistema indikatorov], *Pskov Regional Studies Journal*, 14, pp. 9-12. (In Russ.).]
- Китинг, М. (2003) 'Новый регионализм в Западной Европе', *Логос*, 6, сс. 67–116. [Keating, M. (2003) 'The new regionalism in Western Europe' [Novyi regionalizm v Zapadnoi Evrope], *Logos*, 6, pp. 67–116. (In Russ.).]
- Кобелев, А. (2016) 'К вопросу об этнической истории Воеводины', *Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки»*, 7(1). [Kobelev, A. (2016) 'Revisiting the ethnic history of Vojvodina' [K voprosu ob etnicheskoj istorii Voevodiny], *IZVESTIA VYSSHIH UČEBNYH ZAVEDENIJ. Seria "Gumanitarnye nauki"*, 7(1). (In Russ.).]
- Кудряшова, Ю. (2014) 'Интегрирование Сербии в Евросоюз и российско-сербские отношения', *Ежегодник ИМИ*, 3–4(9–10). [Kudryashova, Yu. (2014) 'EU Integration of Serbia and Russian-Serbian relations' [Integrirovanie Serbii v Evrosoyuz i rossiisko-serbskie otnosheniya], *IIS Yearbook*, 3–4(9–10). (In Russ.).]
- Панов, П. (2020) 'Многоликий регионализм', *Вестник Пермского университета. Политология*, 1, сс. 102–115. [Panov, P. (2020) 'Many faces of regionalism' [Mnogolikij regionalizm'], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologija*, 1, pp. 102–115. (In Russ.).]
- Панов, П. (2017) 'Этнические региональные автономии современности' в: *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Panov, P. 'Ethnic regional autonomies of the modernity' [Etnicheskie regional'nye avtonomii sovremennosti] in: *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and the rights of ethnic minorities* [Balan-siruya prityazaniya: etnicheskie regional'nye
- Hooghe, L., Marks, G., Schakel, A. et al. (2016) *Measuring Regional Authority: A Postfunctionalist Theory of Governance*, Vol. I. Oxford: Oxford University Press.
- Kabatek, J. (2019) 'Language and regionalism' in: Núñez Seixas, X.M., Storm, E. (eds.) 'Regionalism and Modern Europe. Identity Construction and Movements from 1890 to the Present Day'. Bloomsbury Publishing, pp. 25–42.
- Paasi, A. (2011) 'The region, identity, and power', *Procedia Social and Behavioral Science*, 14.
- Purger, T. (2012) 'Ethnic Self-governance in Serbia: the First Two Years of the National Minority Councils', *International Relations Quarterly*, 3(2).
- Puhle, H.-J. 'Regions, Regionalism, and Regionalization in 20th-Century Europe' [online]. Available at: <http://www.oslo2000.uio.no/program/papers/s9/s9-puhle.pdf> (Accessed: 11 November 2019).
- Razsa, M., Lindstrom, N. (2004) 'Balkan Is Beautiful: Balkanism in the Political Discourse of Tudman's Croatia', *East European Politics and Societies*, 18(4), pp. 628–650, DOI: 10.1177/0888325404266939.
- Saarts, T. (2019) 'Introducing regional self-governments in Central and Eastern Europe: Paths to success and failure', *Regional & Federal Studies*, pp.1–25, DOI: 10.1080/13597566.2019.1598383.
- Schmitt-Egner, P. (2002) 'The Concept of 'Region': Theoretical and Methodological Notes on its Reconstruction', *Journal of European Integration*, 24(3), pp. 179–200, DOI: 10.1080/07036330270152196.
- Smith, T. (2008) 'Remembering and Forgetting a Contentious Past. Voices From the Italo-Yugoslav Frontier', *American Behavioral Scientist*, 51(10), pp. 1538–1554, DOI: 10.1177/0002764208316354.
- Sočanac, L. (2012) 'Language policies in Croatia in a diachronic perspective', *Jezikoslovlje*, 13(2), pp. 299–325.
- Söderbaum, F. (2003) 'Introduction: theories of new regionalism' in: Söderbaum, F., Shaw, T. (eds.) *Theories of New Regionalism*. London: Palgrave-Macmillan, pp. 1–21.
- Stjepanovic, D. (2018) *Multiethnic regionalism in Southeastern Europe. Statehood alternatives*. London: Palgrave Macmillan, 215 p.
- Stjepanović, D. (2015) 'Territoriality and Citizenship: Membership and Sub-State Politics in Post-Yugoslav Space', *Europe-Asia Studies*, 67(7), pp. 1030–1055, DOI:

- avtonomii, tselostnost' gosudarstva i prava etnicheskikh men'shinstv]. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russ.).
- Стрежнева, М. (2011) 'Трансформация европейского государства в условиях глобализации' в: *Транснациональные политические пространства: явление и практика*. Москва: Издательство «Весь мир», сс.169–194. [Strezhneva, M. (2011) 'Transformation of the European state in the context of globalization' [Transformatsiya evropeiskogo gosudarstva v usloviyakh globalizatsii] in: *Transnational political spaces: the phenomenon and practice* [Transnatsional'nye politicheskie prostranstva: yavlenie i praktika]. Moscow: Ves' mir Publ., pp.169–194. (In Russ.).]
- Яровой, Г. О. (2007) *Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе*. Санкт-Петербург: Норма [Yarovoi, G.O. (2007) 10.1080/09668136.2015.1068743.
- Szerbhovath, G. (2015) 'Language Politics and Language Rights on the Territory of Former Yugoslavia the Today's Serbia/Vojvodina', *European and Regional Studies*, 8, pp. 57–72, DOI: 10.1515/auseur-2015-0013.
- Todorova, M. (1997) *Imagining the Balkans*. London: Oxford University Press.
- Tolvaisis, L. (2012) 'Hungarian cultural autonomy in Vojvodina from the 1974 Socialist Constitution to the 2009 Statute of Autonomy: path dependence dynamics against the reversal of minority policies', *Nationalities Papers*, 1(40), pp. 63–83, DOI: 10.1080/00905992.2011.633074.
- Tomaić, T. (2018) 'IDS (ne)uspjeh istarskog regionalizma' ['IDS: (un)success regionalism']. Zagreb. 204 p. (In Croat.).

Информация об авторе

Борисова Надежда Владимировна – кандидат политических наук, научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН, декан историко-политологического факультета ПГНИУ. E-mail: borisova_nv@psu.ru (SPIN РИНЦ; 6687-0400. ORCID: 0000-0002-4516-0820. ResearcherID: G-8490-2018. Scopus AuthorID: 42260983500).

Статья принята к печати: 15.01.2020

THE FATE OF 'NON-ETHNIC REGIONALISM' AND LANGUAGE CLAIMS ON THE REGIONALIST AGENDA: VOJVODINA AND ISTRIA IN A COMPARATIVE PERSPECTIVE

N. V. Borisova

Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Abstract

The conceptualization of subnational regionalism is mostly associated with theoretical research and academic discussions that relate to Western European countries. At the same time, this conceptualization refers to the discussion on the relationship between subnational regionalism and ethnicity as its system-forming element. In most cases, we are talking about ethnic sub-national regionalism and its nature. What grounds allow us to distinguish subnational regionalism in ethnically heterogeneous communities and what is the nature of its non-ethnic character? By the example of Croatia and Serbia as non-Western European countries, the article discusses the phenomenon of non-ethnic subnational regionalism, as well as the role of language, being an instrument of identity, in actualizing non-ethnic subnational regionalism. It explains the relationship between ethno-symbolic claims and the development of non-ethnic regionalism in Croatian Istria and Serbian Vojvodina. Ethno-regional and regionalist parties, whose electoral manifestos contain various regional claims, represent both of these regions in the political arena. The author reveals the peculiarity of nation-building processes in Serbia and Croatia and their influence on the dynamics of language and regionalist claims on the political agenda of Vojvodina and Istria.

Keywords: language policy; non-ethnic subnational regionalism; Vojvodina; Istria.